

Сборник сказок

12+

ПЕРЕПОЛОХ В ВЕЧНОМ ЛЕСУ

Татьяна Старжевская
Переполох в вечном лесу

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Старжевская Т. В.

Переполох в вечном лесу / Т. В. Старжевская — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Сон или явь, легенда или реальная история? Кто знает... В хрониках Вечного Леса найдется немало удивительных рассказов! За сотни (а может, и больше, кто знает!) лет в нем произошло множество удивительных событий, рождались герои и злодеи, прекрасные принцессы встречали своих принцев, драконы охраняли сокровища... все как в обычных сказках. Но Вечный Лес - не совсем обычное сказочное место. И куда заведут читателя запутанные тропинки - не скажет наверняка даже всезнающее Поющее Кольцо...

© Старжевская Т. В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

При оформлении обложки использована фотография из личного архива автора (Татьяна Старжевская)	5
ЛИСЬЯ ПАДЬ	6
ПЕРЕПОЛОХ В ВЕЧНОМ ЛЕСУ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

**При оформлении обложки использована фотография
из личного архива автора (Татьяна Старжевская
)**

ЛИСЬЯ ПАДЬ

«буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...»

«Привет. Я – Мира. Мне 13 лет. Наверное. Точно никто не знает, когда я родилась, потому что я – найденыш. Когда я была совсем маленькая, меня нашел лесник заповедника «Лисья Падь» недалеко от лисьей норы. Теперь он мой дедушка, потому что меня усыновила семья его сына. У них совсем не было детей, а теперь есть я. Дома меня зовут Лисена, наверное, потому что я рыжая. Лена и Костя – мои приемные родители, и они очень хорошие! Они очень меня любят и заботятся обо мне, а вот в школе мне скучно. У меня там нет друзей. Обижать меня боятся, потому что я ведь и ответить могу. А дружить мне не с кем. Поэтому я очень обрадовалась, когда меня на каникулы отвезли к деду в Лисью Падь. Все равно в городе скучно и серо, и делать совершенно нечего. А у деда все совсем по-другому – он большой, спокойный, добрый. И вокруг него тоже все спокойное и доброе. Его дом стоит глубоко в лесу, и добираться туда зимой нужно на снегоходе, потому что дорогу от деревни никто не чистит. Я очень люблю лес и совсем его не боюсь. Наверное, это потому, что я – Лисенок. Перевертыш. Я могу превращаться в лисенка, когда захочу. В городе я обычная девочка, там совсем не хочется оборачиваться. А в лесу все совсем иначе, и я готова уже от деревенской околицы бежать по снегу в лисьей шубке до самого дедовского дома. Но я послушно еду на снегоходе, ловлю носом холодный воздух, полный лесных новостей. Родители не знают, это тайна – наша с дедом.»

– Для кого ты пишешь, Мира? – спросил лесник.

– Для себя, которая в городе. А то я там сама себе иногда не верю.

– Это верно. Ну что, Лисенок, пойдем помышкуем? – Дед погладил рыжую головушку, склонившуюся над тетрадкой. Одной рукой Мира выводила буквы, в другой была погрызенная печенюшка. Чай уже остыл.

– Дееед! сколько тебе говорить, я не ем мышей! – привычно отшутилась девочка. – Я за ними просто подсматриваю.

– День короткий, а дел у нас много. Я тебя одну оставлять не хочу, в лесу в этом году не спокойно. Браконьеры совсем обнаглели. Ладно свои, деревенские, тем лень даже из дому выходить в такую погоду, а городские понаехали – капканов модных понаставили столько, что ступить негде. Уберешь – так они еще и разбираться приезжают, мол, у них маячки, отслеживание со спутника, капкан стоит, как пол машины. Злые, как собаки. Так что пошли вместе, поможешь мне искать это безобразие, у тебя нюх в школе не отшибло?

– Ни слова про школу!!! – Мира сделала страшные глаза и скорчила ужасную рожу. – Я с тобой!

По растрепанным рыжим кудряшкам пробежали разноцветные искорки – и вот на стуле уже смешно скачет лохматый лисенок. Пару кругом за своим хвостом, привыкая к телу, прыжок к деду на колени теплым мохнатым мячиком.

– Собирайся, дед! Я уже готова.

Лисья Падь с начала времен была удивительно щедрым местом. Невысокие горы прикрывали ее от северных ветров, удерживая непогоду. Солнце дарило тепло, а многочисленные лесные ключи собирались в ворчливую безымянную речку. Грибов и ягод в сезон хватало всем – и зверью и деревенским жителям. Весной лес звучал птичьим многоголосьем, белки доверчиво брали из рук лесника пузатые семечки, шарили по карманам, чихая от табачных крошек. Водились и зайцы, и лисы, и олени. В глубине леса жила медвежья семья, еще глубже, ближе к горам – волчья стая. Охотников прежде было мало, охота в заповеднике была запрещена,

разве что деревенские мужики настреляют мелкой дичи. А потом и вовсе перестали – молодежь потянулась в город, и остались одни старики. Недалеко от вымирающей деревни была дача для художников, а чуть глубже, у самой реки – маленькая, на шесть кривых теремков, турбаза. Она долго стояла бесхозной, а вот в прошлом году появился новый владелец, деловой, денежный. Он привез дюжину финских домиков, отремонтировал дорогу, стал привозить серьезных людей на серьезных автомобилях. Они-то и стали стрелять животных и ставить капканы, никого не боясь, расхаживать с ружьем по лесу. На жалобы лесника ответ был коротким – нарушений нет. Между строк ясно читалось – не соваться. Эти люди и были самой властью...

Особенно приглянулась городским охотникам рощица рядом с подкормочной площадкой – там всегда вертелось зверье. Теперь оно постоянно попадалось в капканы и ловушки.

Леснику оставалось только регулярно обходить рощицу, собирать браконьерское имущество, выручать живность. Дело было опасное, несколько раз он сам чуть не попался в капкан, а потом еще и ругаться приходилось с городскими охотниками.

Вот туда-то и повел сегодня дед Миру, надеясь на ее звериный нюх и человеческий разум.

«Мы с дедом быстро шли – он на лыжах, а я так, по насту. В лесу было как-то очень тихо – даже для меня тихо. Мне даже казалось, что стук моего сердца ужасно громкий, а хруст снега под лапами слышно на весь лес. Дед не очень быстро шел – я даже успевала вокруг бегать и совать нос в мышиные норки – просто поздороваться. Но там почему-то был только запах, а мышей – не было. И снегирей не было – хотя обычно за дедом стайка летит. И белок тоже не было. Мы уже почти добежали, и дед остановился – он увидел свежую лыжню. Кто-то совсем недавно тут прошел. И вдруг я ясно услышала голос – такой ... глубокий, как будто сам Лес говорил... Дед потом говорил, что не слышал ничего, а для меня этот звук раздался в тишине, как гром. Но говорили не с нами.

«Ты снова пришел, чужак. Что же, иди. Тебя ждет то, что ты заслужил. Иди прямо, вот так. Иди сюда...»

Человек в охотничьей куртке нас не видел, он шел... как-то странно, как будто спал на ходу. Голос вел его прямо к заветной рощице. Мы с дедом стояли и смотрели. Потом раздался резкий противный лязг, человек упал, и еще два щелчка, почти одновременно. Человек лежал на снегу и не двигался. Вверх, от шеи, била алая струйка. Дед не разрешил мне подходить, сам побежал. Пытался помочь, вытаскивал. А я и так сразу поняла, что человек умер. Он сначала ногой в капкан попал, упал, и на земле его еще капкан за шею схватил. Странно, никто так капканы не ставит... я стала обходить рощицу, и у самого края увидела еще один капкан, а в нем – ярко – рыжее тельце. А вокруг был красный, подтаявший снег.»

– Дед, смотри! – тут лисенок, живой!

Лесник подошел, посмотрел на зверька и стал мрачнее тучи. Он бережно достал лисенка, замотал лапу наскоро чистой тряпицей – к капканам он брал собой сумку с перевязочными материалами, не первый раз доставал из них зверье. К погибшему охотнику больше не подошел, буркнул только, что, мол, ему уже не помочь, пусть сами забирают, из дома позвоню. Лисенок был такой же, как Мира – она это сразу унюхала. К дому они помчались так быстро, как никогда раньше не бегали, и так же быстро стало темнеть, казалось, что ночь бежит за ними по пятам. Когда они зашли в дом, дверь так резко захлопнулась за ними, что весь дом задрожал. Вот тут Мире стало страшно.

Дед положил лисенка на стол, сделал зверьку обезболивающий укол, осмотрел сломанную лапу с торчащей из раны косточкой, проворчал, что все это очень, очень плохо. Как смог, обработал рану, уложил лисенка на кровать на старом ватнике. Мира улеглась рядом, прижалась, стараясь согреть дрожащее тельце. Лисенок уснул, но всхлипывал и плакал во сне. Звал маму. Дед сидел за столом и, казалось, кого-то ждал.

Было слышно, как в лесу поднялся ветер, он завывал в печной трубе, как привидение. Потом к этому вою добавились новые ноты, потом – целый хор из волчьих переливов. Все это сливалось в одну жуткую мелодию. Волки подходили все ближе к дому.

– Гонят кого-то – сказал дед, больше сам себе. – для охоты плохое время.

Мира тоже прислушалась.

– Дед, пригнали уже, этот кто-то в дверь стучит.

Лесник взял ружье, вышел в холодные сени. Вернулся он с человеком, похожим на комок снега на сломанных лыжах. Волки ответили разочарованным воем.

Человек снял шапку, куртку, и лесник с Мирой узнали девушку – это была Злата, студентка из города. Она вообще то училась на театральном факультете, но часто приезжала в Лисью Падь, чтобы фотографировать для какого-то журнала – она была страстной фотоохотницей и художницей. Злата договорилась с товариществом художников и останавливалась на их даче. С лесником и его внучкой они были давние друзья.

Отогревшись и выпив горячего чая с медом, Злата рассказала, что утром ушла в лес проверять поставленные накануне фотокамеры, как вдруг погода стремительно начала портиться, потемнело. Девушка поторопилась выбраться из леса, но сразу потеряла лыжню и заблудилась. Какое-то время она просто брела на лыжах, в неизвестном направлении, а когда совсем выбилась из сил, появились волки... тут и прыть появились бежать, и она бежала и бежала... Волки подвывали сзади, окружили с боков, но не нападали. Потом она увидела свет в окне дома лесника...

– Выходит, волки тебя проводили до нас. – сказал лесник.

– может и так, но я со страху чуть не... померла.

– ну ведь не померла же... а так бы замерзла где ни будь под елкой. Так что все к лучшему. У нас непогоду пересидишь. – дед подлил еще чаю, снова заправил самовар...

А ветер все выл, и метель не утихала. Мира дремала в тепле, обнимая лисенка. В заунывной музыке вьюги ей порой слышались то печальный плач, то стариковское ворчание.

И тут в запертую дверь снова постучали. Даже нет, поскреблись. Настойчиво. Дед, казалось, этого ждал – мигом выскочил в сени, открыл дверь. Мира услышала звук, как будто собака отряхнулась от снега. А потом в комнату вошла рыжеволосая женщина, от которой разбежались и исчезли мелкие зеленые искорки.

– Ну, Лизавета, проходи, заждались уже. Васька твой совсем плох. Как ты за ним следила, что в капкан то попал? Большой ведь уже парень.

– Большой, вот и не слушается. Повадился приманку таскать из капканов, приключений захотелось... А они ее еще как назло чем-то вкусным посыпают.

– Хорошо, хоть я успел забрать, а то уже шкуру бы содрали.

Лиза как-то нехорошо побледнела.

Они с лесником снова взяли лисенка на стол, долго колдовали над раной, спорили – Мира забилась в кровати между одеялом и ватником, и смотрела на все это, не сводя глаз. Она сразу узнала эту женщину, хотя давно уже не помнила, как она выглядит. Только запах, мамин запах...

Раненый лисенок снова заплакал, жался к Лизе. Она гладила его по рыжей спинке, почесывала за ушками, от пальцев разбегались зеленые искорки. Зверек успокоился, дал себя посмотреть и, кажется, даже уснул. Ему больше не было больно.

– Лиза, его в город надо, тут само не срастется. В больнице прооперируют, Костя сам все сделает, он хороший хирург.

– Не получится, Павел Степанович. Хозяин не пустит больше людей в Лисью Падь. Один вред стал от них. И меня не выпустит больше. Я пришла вас предупредить, чтобы уходили, до вечера еще есть время. Я провожу вас до деревни. – он помолчала немного, лесник мрачно опустил голову.

– А волки? – пискнула Злата.

– Ну, могу и волков попросить проводить... – не поняла беспокойства девушки Лиза.

– Понимаешь, Павел Степанович, смотри, как стали вести себя люди... как хозяева жизни – убивают животных, рубят лес – не для того, чтобы поставить добротный дом, а, чтобы сделать из бумаги цветных рекламных листовок... Вокруг ваших городов все мертвое – и реки, и лес. Вы забыли, что на этой планете вы такие же гости, как и все остальные. Что все вокруг – не ваша собственность. Все щедро дано вам в пользование, но не для уничтожения. И вы тут не одни. Хозяин Лисьей Пади решил сохранить этот уголок природы, и людей тут больше не будет. Он очень сердит, из-за всего –и больше всего из-за Васьки. Последнего лисенка покалечили...

– Мама, а как же я? – Отозвалась Мира из кучи подушек и одеял.

Лиза обернулась и заметила Миру, уже девочкой, сидевшей на кровати. Зеленые огоньки сверкнули облачком вокруг рыжих кудряшек, и разбежались.

– А ты можешь остаться, Мира. Если хочешь. – ответила Лиза.

«Уйти мы не успели. Точнее, не смогли – Злата еле ходила, у нее сильно разболелась нога. Пока бежала по лесу, она не чувствовала боли, даже не заметила, когда подвернула. А теперь нога так распухла, что в лыжный ботинок не влезала. А дед сказал, что он уже долго живет, и никуда не пойдет, нас одних не оставит. Потом он вытащил из печки чугунок со щами, и они так вкусно пахли, что мы все вспомнили, что очень хотим есть. Даже Лисенок Васька немного плакал сметаны. Лиза сказала, что превращаться в человека он не будет, потому что ему так легче переносить боль. Я не удержалась, и стала спрашивать Лизу, кто мой папа. Она сначала не хотела ничего говорить, а потом все-таки ответила, что мой папа – очень хороший человек. Лисы ищут себе пару по большой любви, тогда получают хорошие здоровые Лисята.

Я не унималась, и стала спрашивать, где он сейчас.

– Ну, он оказался... несвободен. Женат. Я, как полагается хищнику, перегрызла ему горло, выскочила в окно и убежала в лес. – неубедительно сказала Лиза. И сделала страшные глаза.

– Ну ма-а-ам!!

– Лиза, не пугай ребенка. Жив он и здоров. Я тебя предупреждал, что он женат.

В общем, она рассказала, что у Лис принято детишек отдавать на воспитание людям, чтобы научились жить по-человечески. Раньше деревенские охотно брали Лисят – они были здоровенькими веселыми детишками, и если удавалось их совсем приручить и оставить среди людей – то и их дети на много поколений были здоровыми и сильными. А потом деревни вокруг Лисьей Пади вымерли, и Лис тоже осталось немного. Меня отправили в город, а Ваську мама оставила при себе. Для сохранности. И еще потому, что на папу был похож. Больше эту тему ни дед, ни Лиза обсуждать не захотели»

К вечеру непогода усилилась. Ветер бросал в окна снежные заряды так сильно, что стекла звенели. Лесник с большим трудом смог открыть входную дверь, обойти дом и закрыть ставни. Весь дом мелко трясся, как будто глубоко под ним, в замерзшей земле ворочалось сонное чудовище. Посуду в буфете время от времени потряхивало, несколько чашек упали на пол и разлетелись вдребезги. Всем было не по себе. Тогда лесник снял со стены гитару и устроился поудобнее...

«Дед с молодости хорошо играл на гитаре. Он старый турист и песен знает великое множество. Я тоже немного учусь – но я больше по нотам играю, всякие классические сложности, что в музыкалке задают. А у деда музыка нехитрая, зато песни душевные. Вот он и начал:

«Вьется в тесной печурке огонь,

На поленьях смола, как слеза...

И поет мне в землянке огонь
Про улыбку твою и глаза....

И так у него душевно это все получалось, что нам всем сразу стало легче.

«Ты сейчас далеко-далеко,

Между нами снега и снега.

До тебя мне дойти нелегко,

А до смерти – четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,

Заплутавшее счастье зови.

Мне в холодной землянке тепло

От твоей негасимой любви...»

Дед пел, а мне казалось, что не только мы слушаем его, а множество ушей вокруг нас навострились и прислушались к его голосу, и множество внимательных глаз наблюдают за нами через стены трясущегося домика.

«Здесь лапы у елей дрожат на весу,

Здесь птицы щебечут тревожно —

Живёшь в заколдованном диком лесу,

Откуда уйти невозможно.

Пусть черёмухи сохнут бельём на ветру,

Пусть дождём опадают сирени —

Всё равно я отсюда тебя заберу

Во дворец, где играют свирели!

Твой мир колдунами на тысячи лет

Укрыт от меня и от света,

И думаешь ты, что прекраснее нет,

Чем лес заколдованный этот...»

Злата взяла мой альбом и карандаши и стала рисовать. Сначала меня – девочку, только с большими лисьими ушами. Потом маму Лизу – как она сидит в кресле с лисенком на коленях.

Она рисовала и, как я заметила, внимательно прислушивалась. Не только к словам песен. Мне то ясно было слышно, как плачет и ругается неведомая сила, проклиная весь бесполезный, жадный, жестокий человеческий род. Как эти ругательства перемежаются с воем выюги, и с подземными ударами.

Потом дед устал, занялся самоваром. Тогда я взяла гитару и стала играть те пьесы, которые разучивала в музыкалке. Всем понравилось, и мне даже похлопали. А потом Злата дорисовала последнюю картинку и у нее закончился альбом. Тогда она сказала: «— Давайте, я вам почитаю»

В доме была приличная библиотека – больше мои книги, которые мне Лена с Костей привозили, чтобы я читала на каникулах. А я не люблю. Они уже пылью все покрылись. Потому что пыль мы с дедом тоже не любим вытирать. Теперь мы собрались поближе у стола, дед поставил горячий самовар. Злата забрала поближе к себе мерцающую керосинку. Электрическая лампочка давно уже сама погасла. Дед зажег несколько парафиновых свечей из автолавки. Они трещали, а огоньки плясали от невидимых сквозняков. Мы сидели тесным кружком у стола, а за нашими спинами плясали тени от огоньков свечей. Но мы не оборачивались.»

Злата выбрала несколько книг в шкафу, и стала читать. Сначала медленно, как бы пробуя каждое слово, и прислушиваясь, потом все громче и сильнее стал звучать ее голос. Казалось, что стихи наполнили собой каждый уголок домика, и распоясавшиеся были тени испуганно вжались в темные углы.

«Говорят, что опасно среди людей
Что любая добыча – в долг.
Только я не согласна жить в мире, где
Человек человеку – волк.
Где не помнят, что значит любить, жалеть
И не спорить о том, кто прав
Где легко потеряться во мраке, ведь
Человек человеку – мрак.

Пусть рычание слышно из темноты
Но с нуля можно целиться ввысь
Слышишь, звезды поют, и в лугах – цветы:
Человек человеку – смысл

И не важно, кто круче, и кто слабей,
Если стен между нами нет
Будем просто доказывать на себе –
Человек человеку – свет»

Она замолчала ненадолго, и все тоже молчали. Потом она еще читала, и веселое, и про любовь. И про войну... читала, как будто стараясь объяснить себе самой – и всему вокруг, есть ли смысл в человеческой жизни, зачем это все...

«Как много закрытых дверей...

И, в общем, трагедия века,
Что в обществе (вроде) людей,

Так сложно найти человека...»

Злата читала долго, останавливаясь иногда, чтобы хлебнуть остывшего чая и перелистать пыльные страницы... многие произведения были знакомы, наскоро пролистаны в школе или прочитаны мимоходом, чтобы занять свободную минуту. А здесь, когда ничего больше не могло отвлечь, все это зазвучало по-новому, ярко, во всей красоте и глубине. Никто уже не замечал ни воя ветра, ни дрожащих стен, ни дребезжащих на полках буфета чашек. Сказка про Русалочку довела Лизу до слез, а сцена на балконе из Ромео и Джульетты, прочитанная надвое с лесником, сорвала самые искренние аплодисменты.

«И будет февраль. Будут вьюги скулить у порога.

И окна зажгутся. И свет будет – тёплая медь.

Наверно, зима для того и придумана Богом -

Чтоб людям почаще хотелось друг друга согреть.

Вдруг что-то простое покажется важным и нужным:

Давнишние письма или фото за мутным стеклом.

Мне кажется, в мире нарочно придуманы стужи -

Чтоб людям хотелось согреться домашним теплом.

И кто-то достанет альбом с запылившейся полки,

И, может быть, вспомнит о ком-то забытом (как знать?!)

Ведь вечер зимою не даром придумали долгим -

Чтоб люди успели друг другу о многом сказать.»

Злата прислушалась к чему-то... Улыбнулась.

«Вечер, ты помнишь, вьюга злилась,

На мутном небе мгла носилась;

Луна, как бледное пятно,

Сквозь тучи мрачные желтела,

И ты печальная сидела –

А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами

Великолепными коврами,

Блестя на солнце, снег лежит;

Прозрачный лес один чернеет,

И ель сквозь иней зеленеет,

И речка подо льдом блестит...»

Она замолчала. Было тихо. Не было слышно ветра, не плясали на полках чашки. Сквозь расшатанный ставень пробивался солнечный луч.

– А давайте теперь спать, – сказала Лиза. – Что-то мы засиделись.

«Мы легли спать, и спали очень долго, потому что очень устали. Потом приехал Костя со спасателями на снегоходе, и очень обрадовался, что мы все живы. Они рассказали, что была ужасная непогода, и, наверное, землетрясение, потому что в деревне все дома рассыпались, напуганные старики едва успели забиться в старую церковь. Она страшно тряслась скрипела, но устояла. Люди просидели там всю ночь и тоже тряслись – от холода и страха. На месте новенькой турбазы, где жили браконьеры, теперь было озеро. Очень глубокое, спасатели сказали, что не полезут сейчас, опасно. Мы ездили смотреть – оно даже льдом успело покрыться, и край дороги упирался прямо в кромку. Костя забрал в город нас всех, и Лизу с лисенком Васей тоже. Перед операцией ему пришлось превратиться в мальчика, потому что Костя сам решил оперировать, не доверил ветеринару. Васька оказался подозрительно похож на Костю, но это уже совсем другая история.... Да, еще я забыла сказать – я не останусь в лесу. Раньше мне хотелось всегда там жить и никогда не видеть школу. А сейчас... сейчас я хочу понять, как стать человеком. Стать лисой просто, для этого достаточно родится лисенком. А с людьми все не так. Можно всю жизнь прожить среди людей, а так и не понять самого главного... Я не знаю, почему Хозяин леса не разрушил нашу сторожку, почему люди снова могут приходить в Лисью Падь. Правда, теперь не все... Вокруг заповедного леса теперь невидимая граница, которая не пускает одних, и, наоборот, зовет и притягивает других ...»

Кто – то выстроил дома недалеко от Лисей Пади, а кто-то по неведомой причине все никак не может выбраться из города.... А вы давно были в Лесу?

В рассказе использованы стихи и фрагменты стихов Кукушкиной Анны «Человек человеку – свет», Александр Пушкин «Зимнее утро», Александр Сурков «Вьется в тесной печурке огонь», Высоцкий Владимир «здесь лапы у елей дрожат на ветру...» Юлия Вихарева «И будет февраль»

ПЕРЕПОЛОХ В ВЕЧНОМ ЛЕСУ

Посвящается моей бабушке, которая очень любит порядок и всегда звонит в самый подходящий момент

С начала времен Великая Ба была хозяйкой и хранительницей этого небольшого, но густо населенного мира. Здесь было ее пространство, ее творческая мастерская. При Ба всегда царил идеальный порядок, но иногда она покидала свое мир, отправляясь по неотложным делам в соседние пространства. Что она там делала – точно никому не известно. Говорят, она была непревзойденным мастером наводить порядок. В таких случаях – на время своего отсутствия – она оставляла кого – ни будь за старших, наделяя кого – полномочиями, кого – ценными указаниями, а кого – самостоятельностью, и тогда. . . .

Далеко, там, где все было пронизано магией, где люди не знали о компьютерах и в таковых не нуждались, по лесу бежал мужчина. Силы давно закончились, и только сила воли старого воина не позволяла упасть замертво прямо посреди леса. Он бежал, почти не разбирая дороги, интуитивно выбирая направление к желанной цели. И, наконец, вот она – большая поляна, на которой легкие походные домики из кольев и воловьих шкур окружили большое кострище. Усталый воин выбежал на поляну и рухнул на траву.

Он пришел в себя от удивительного ощущения горячего потока энергии, наполняющего его грудную клетку, расходившегося волнами тепла по всему телу. Силы возвращались к нему, как будто бы не было утомительного утреннего боя, не было многочасового безумного бега. Сидевшая у его постели бледная рыжеволосая девушка сняла руки с его груди. От тонких пальцев еще разбегались мелкие синие искры.

– Как ты, Арон?

– Мне уже лучше, моя госпожа, благодаря вам.

– Есть вести?

– Всё хуже, чем мы предполагали. Мазур занял силой несколько приграничных селений и перекрыл свободный доступ из одной страны в другую. Теперь вместо сонного стражника, за серебряную монету открывающего ворота, распаханная полоса с магическим ограждением, через которую не проскользнет даже мышь, и вооруженная до зубов стража. Его владения заняли всю Центральную долину, а Лесные Дали, Драконьи горы и Морские Берега не имеют теперь прямого сообщения между собой. Почта вся проверяется, и неугодные места замазываются несмываемыми чернилами. Повсюду шпионы Мазура, они жестоки и беспощадны. Они узнают друг друга по магическим татуировкам с изображением черной змеи, а руководит ими Черная Бестия, которую никто не знает в лицо. Население запугано, боится сказать лишнее – люди стали пропадать, и, скорее всего, из-за доносов. Шпионы делают все, чтобы поссорить участников Союза. Про совет магов уже несколько месяцев ничего не слышно, и я не смог найти никого из наших магов на местах – везде чужие лица. Наш отряд вычислили в два счета, не смотря на все предосторожности. Мазур обладает невероятной силой и властью. Мы обречены. – Арона начало трясти.

– Тише, тише, тише. – ещё несколько лучиков сорвалось с пальцев Тары. – Тебе нужно поспать. – мужчина успокоился и заснул безмятежным сном.

В центре лагеря Тару молча ждали ее люди.

У нас плохие новости. – сказала она. – Отряд, посланный к нашим западным союзникам, захвачен и разбит. Арон смог донести добытые ими сведения, и теперь нам следует принять решение о том, как действовать дальше. Враг оказался гораздо сильнее и хитрее, чем мы могли предположить. – Тара замолчала ненадолго. – Но мы не будем поддаваться панике. Мы не подчинимся режиму Мазура, мы помним счастливые времена свободы и благоденствия. Мы будем защищать нашу свободу до конца. Победим или погибнем, как наши товарищи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.